

A movie poster featuring a man and a woman. The man, on the left, has dark, curly hair and a beard, looking intensely at the camera. The woman, on the right, has long brown hair and is wearing a red dress with a heart-shaped tear on the chest. The background is a gradient of red and white.

АННА РИМАН

РАЗВОД

Извинений не надо

Анна Риман

Развод. Извинений не надо

<https://litres.ru/74206813>

Аннотация

Вчера я умерла. Душой — для себя. Полностью — для других. Муж хоронил меня, не зная, что я стою в толпе и смотрю, как он держит за руку мою бывшую подругу. Говорил правильные слова, опускал цветы в могилу и выглядел безупречно.

Только я не умерла. Я просто перестала быть той женщиной, которая прощает.

Теперь у меня другое имя, другая жизнь и только одно желание — посмотреть, как рушится их идеальный мир.

♥#ХЭ для героини

♥#История-участница Литмоба — «Неправильный развод»

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	19
Глава 5	26
Глава 6	29
Глава 7	33
Глава 8	37
Глава 9	41
Глава 10	47
Глава 11	52
Глава 12	58
Глава 13	64
Глава 14	68
Глава 15	73
Глава 16	79
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Глава 1

Вероника

— Ну и говнюк же твой Лёша! Даже в аэропорт не отвез!

Голос Лены ворвался в тишину салона, как всегда — резко, без фильтров.

— Лен, не начинай. — Я закатила глаза, глядя в окно. Октябрь, серое небо, лужи — мокрый асфальт блестел как зеркало.

— Что — не начинай? Ты вообще где? В такси?

— В такси.

— Беременная женщина в такси! — возмутилась она. — А муж где?

— На встрече, — привычно ответила я. — И вообще, перестань.

— Да ладно! Он даже к врачу с тобой не поехал в прошлый раз!

— Не смог. Это был день презентации проекта, — спокойно отозвалась я.

— Ага. У него всегда что-то важнее.

— Лен, я не хочу ругаться. Всё нормально. Он рад ребенку. Просто... занят.

На том конце повисла пауза, потом послышался тяжёлый вздох.

— Береги себя, ладно?

— Берегу, — прошептала я. — Всё под контролем.

— Позвони, как приедешь.

— Обязательно.

Я сбросила звонок и машинально погладила живот.

Капли барабанили по крыше, будто отбивал ритм сердцебиения.

Еще немного, малыш. Папа любит нас, просто у

него сейчас трудный период. Потом всё станет по-другому. Все обязательно наладится.

Такси подпрыгнуло на кочке. Голова закружилась, к горлу подступила тошнота.
 Это был не самый лучший день. Но всё ещё моя жизнь. Пока что.

Такси остановилось у терминала, и я почти вздохнула с облегчением.
 Воздух здесь всегда был один и тот же — запах кофе, дешёвых булочек и человеческой суеты. Всё гудело, спешило, переливалось голосами.

Люблю аэропорты — в них есть ощущение движения, даже если сама стоишь на месте.

Я расплатилась с водителем, взяла сумку. Он буркнул что-то вроде «удачи», и я кивнула.
 Дождь моросил, холод пробирался под пальто.
 Ещё несколько часов — и я в Казани. Хоть немного сменю обстановку.

Очередь на регистрацию тянулась медленно. В телефоне мигнуло сообщение от Лёши:
 «На встрече. Удачного полета. Не забудь витамины»
 Без точки, без смайла, без «целую».

Я всё равно улыбнулась.
 Мужчины просто не умеют писать тепло. Главное — вспомнил. Остальное неважно.

Живот снова потянуло. Я глубоко вдохнула, постаралась выровнять дыхание.
 — Всё хорошо, малыш, — шепнула себе под нос. — Мы просто устали.

Прошла регистрацию и, наконец, успокоилась.
 Толпа шумела, табло мигало зелёными и жёлтыми строками. Обыч-

ный день. Даже скучный.

Только вот сердце билось слишком быстро.
 Я при-
слонилась к стене, достала телефон — 19:45. До посадки ещё
почти час.
 Успею попить воды. Всё будет нормально.

В магазине купила бутылку, но едва сделала глоток —
подкатила тошнота.
 Земля качнулась, как палуба кораб-
ля.

— Девушка, вам плохо? — поинтересовалась женщина
рядом.
 — Нет, просто давление... сейчас пройдёт.

Не прошло.
 В горле пересохло, пальцы похолодели.
Я успела дойти до медпункта — и всё, дальше белые стены,
кресло и мягкий голос:
 — Вам нельзя лететь в таком
состоянии. Давление низкое. Это опасно, тем более при бе-
ременности.

При беременности.
 Слово звенело в ушах, будто ме-
ня отчитали.

— Я просто устала, — попыталась улыбнуться. — Отдох-
ну и поеду домой.
 — Так будет лучше, — сказала мед-
сестра, записывая что-то в журнал. — Лягте, отдышитесь, а
потом поезжайте.

Я кивнула, достала телефон и включила авиарежим, что-
бы не звонили.
 Лечу завтра. Сегодня не мой день.

Когда я вышла из аэропорта, уже темнело.
 Морось
усилилась, воздух пах мокрым асфальтом и выхлопами.
 Такси нашлось не сразу — все куда-то спешили, а я впервые
никуда не торопилась.

Сидя на заднем сиденье, я смотрела, как капли сбегают по стеклу, и гладила живот.
 Может, это знак? Может, стоило не лететь?
 Тихий голос внутри шептал: домой.

Такси остановилось у коттеджа уже за полночь — 00:37.
 Город спал. Фонари тонули в дождевой пелене, асфальт отражал редкие огни машин.
 Я вышла. Воздух казался липким, тяжёлым — ночь не обещала ничего хорошего.

Дом выглядел мёртвым: ни света, ни движения.
 Только на втором этаже — тонкая полоска под занавеской.

Я открыла дверь своим ключом.
 Тишина.
 На столике — пиджак Лёши, рядом телефон.
 Экран вспыхнул, когда я взяла его в руки.

Последнее сообщение — от Лены:
 «Мчусь к тебе, мой лев ##»

Пальцы стали холодными, дыхание сбилось.
 Внутри все сжалось в болезненный клубок.

Аккуратно вернула телефон на место.
 Поднялась по лестнице, держась за перила, как за единственное, что еще существовало.
 Щель света под дверью. Полутемно.

Я толкнула дверь.
 Они спали.
 Он — на спине, рука на её бедре.
 Она — в его футболке.
 На тумбочке — два пустых бокала.
 Мой плед — на полу.

Я стояла молча.
 Не плакала. Просто смотрела, пока не почувствовала, что перестала дышать.

Ее голова покоилась на его плече, волосы разметались на

мускулистой груди.
 Так всегда делала я, когда засыпала.

Смешной жест, привычка, память тела — и теперь всё это чужое.

Я будто смотрелась в разбитое зеркало: в его отражении больше не было меня.

Потом подхватила сумку и тихо вышла, стараясь не издать ни звука.

На улице хлестал ливень, словно хотел смыть с меня всё.
 Боль внизу живота накатила волной — глухой, нарастающей.
 Я шла, пока не осталась одна среди темноты и дождя.

Глава 2

Белый свет больно резал глаза.
Сначала я решила, что это снова дождь — слишком яркий, будто кто-то включил фонари прямо под веки.
Но дождь не пахнет антисептиком и не пищит где-то рядом.

Попробовала пошевелиться — тело отозвалось тупой болью.
Под ладонью — простыня, холодная и влажная.
Запах лекарств.
Тихое постукивание капель.
И тяжёлое дыхание, мое или чужое — не разобрать.

— Слышите меня? — женский голос, тихий, ровный.
— Да... — губы едва шевельнулись.
— Не двигайтесь. Вы в больнице. Вас нашли на улице без сознания.

Я моргнула, пытаюсь вспомнить хоть что-то.
Дорога, дождь, темнота.
И вдруг резкая боль где-то внизу живота — будто что-то оборвалось.

— Ребёнок... — слова сорвались сами. — С ним всё?..
Женщина замерла.
— Сожалею. Мы не смогли.

Простая фраза. Без паузы, без жалости.
А внутри будто всё затихло.
Даже дыхание.

Дверь бесшумно приоткрылась.
В палату вошла врач — усталая, с собранными в пучок волосами и тенью под глазами.
В руках — планшет.

— Документы при вас не нашли, — сказала она спокойно.
— Телефона не было. Вас доставили прохожие, ночью.
Я слушала и не могла понять, к чему она клонит.
— Как вас зовут? Нам нужно записать в карту.

Имя застряло в горле.
Я знала, кто я, но сказать не могла.
Словно если произнесу — всё станет настоящим.
Дождь, предательство, боль.

— Я... потом продиктую, — выдохнула я.

Врач посмотрела внимательно, но не настаивала.
— Хорошо. Отдохните. Если почувствуете хуже — нажмите кнопку.

Она ушла, дверь мягко закрылась.
В палате снова стало тихо.
Только ровные капли и дыхание.

Где-то в коридоре хлопнула дверь. На подоконнике негромко зашипел старый телевизор — кто-то включил новости.

Из динамика донесся ровный мужской голос:

— Вчера вечером потерпел крушение пассажирский самолет, выполнявший рейс Москва–Казань. По предварительным данным, никто не выжил.

Я замерла.
Сердце дрогнуло — не от страха, от какого-то глухого узнавания.
Рейс. Казань. Я же должна была лететь...

— Список пассажиров сейчас уточняется. Среди предполагаемых погибших...

Я услышала себя.
Свое имя.
Свою фамилию.

— ...Гордеева Вероника Викторовна, 29 лет.

Всё стихло.
 Шум палаты, капли, даже собственное дыхание — будто выключили звук.

Я смотрела в потолок и пыталась понять, что произошло.
 Меня больше нет.

Затем резкий, почти физический удар памяти.
 Кадры мелькали перед глазами:
 дождь, терминал, очередь, вспышка света, дом, две фигуры на кровати, волосы Лены на его груди, мой плед на полу.
 И снова — боль, тьма, пустота.

Я вцепилась в простыню, но не заплакала.
 Слезы были где-то глубже, там, где уже ничего не живёт.

Дверь скрипнула — врач снова заглянула в палату, тихо, будто боялась потревожить.

— Как вы себя чувствуете?
 — Нормально, — ответила я. Голос звучал чужим.
 — Нам всё же нужно записать фамилию, — сказала она. — Без этого нельзя оформить историю болезни.

Я посмотрела на экран телевизора — там всё ещё крутили кадры с места крушения.
 Обломки, дым, яркие жилеты спасателей.
 И диктор, всё тот же, спокойный, как метроном.

— На борту находились восемьдесят семь человек...

Я сделала вдох.
 — Орлова, — сказала наконец. — Марина Викторовна.

Врач кивнула и записала.
 — Фамилия как у актрисы?

— спросила она рассеянно.
 — Да, — я слабо улыбнулась. — Мама любила её фильмы.
 — Значит, хорошая фамилия. Красивая.

Она ушла, а я долго смотрела на закрытую дверь.

Орлова. Мама любила её фильмы. Женщины, которые всегда улыбались, даже когда теряли всё.

Я положила руку на живот — там, где больше ничего не было.
 И впервые не почувствовала боли.
 Только тишину.

Телевизор продолжал шипеть.
 Картинка сменилась — показали огни аэродрома, мокрую взлётную полосу, комментатора, который говорил о трагедии.
 Я слушала его голос, как пустой шум.

Капельница шелкнула, воздух в трубке пошёл пузырьками.
 Я протянула руку, нажала кнопку вызова медсестры — просто чтобы не слышать.

Она не появилась.
 И я поняла — больше никто и не придёт.

На подоконнике мерцал экран телевизора — моё имя в списке погибших.
 Белые буквы на сером фоне.
 Такая короткая жизнь, уместившаяся в две строки.

Я закрыла глаза.
 Всё, что было “до”, — растворилось, как выцветшая фотография в воде.

Пусть так и будет.

Пусть Вероника Гордеева останется в том списке.
 Пусть Лёша скорбит ровно столько, сколько нужно, чтобы

всем показалось приличным.
 Пусть Лена его утешает.

Я больше не их боль.
 Не их женщина.
 Не их жизнь.

За окном стучал дождь.
 Я смотрела в темноту и думала, что с этого звука, наверное, всё начнётся заново.

Сегодня я умерла. Завтра — начну жить.

Дорогие читатели! Рада приветствовать Вас в моей новой истории. В ней вас ждут: предательство неверного мужа, живые герои, сильные эмоции и обязательный счастливый финал для главной героини.

Ваша поддержка и обратная связь очень важны и дороги мне. Прошу поддержать книгу звездочками. Подписывайтесь на мою авторскую страницу, чтобы не пропускать новинки и скидки.

<https://litnet.com/shrt/L2ON>

Глава 3

Свет был тусклый, зимний, почти серый.
 Он не резал глаза — просто давил.
 Воздух пах не лекарствами, а чем-то варёным, больничным, тяжёлым.
 Я лежала и смотрела в потолок, слушая, как в соседней палате кто-то кашляет, а где-то далеко хлопает дверь.

Капельницу сняли.
 Руку перетянули бинтом.
 Всё вокруг казалось слишком реальным — и от этого ещё более нереальным.

Врач заходила утром, сказала, что анализы неплохие, и через пару дней можно будет выписаться.
 Я кивнула.
 Не потому что хотела домой — потому что не было куда.

Телевизор на подоконнике больше не включали.
 И впервые за эти дни тишина не пугала.
 Она просто была.

Я дотянулась до стакана воды, сделала глоток — вкус хлорки, холод, жизнь.
 Оказывается, жажда — это тоже признак, что живешь.

Дверь тихо скрипнула, и в палату вкатилась каталка.
 На ней — женщина лет пятидесяти, в пёстром халате и со свежей перевязанной рукой.
 — Ну и погодка, — вздохнула она, как только медсестра помогла перелечь на кровать. — Дождь, грязь, холод. Вечно в такое время всё плохое случается.

Она повернулась ко мне, улыбнулась:
 — Марина, да?

Я — Галина. Лежим, значит, вместе.

Я кивнула. Не хотелось говорить.
 Галина этого не заметила.
 — А я вчера телевизор включила, так там ужас что творится! Самолёт, представляешь, упал, рейс Москва–Казань. Никто не выжил.

Я замерла. Она продолжала — громко, доверительно, словно мы знакомы сто лет:
 — Показали мужа одной из погибших. Гордеев фамилия. Такой солидный, видно, человек при деньгах. Глаза грустные, говорит спокойно — ну прямо железный. И всё рядом с ним девушка какая-то — утешает, бедняжка. Наверное, родственница.

Я сжала простыню.
 — Наверное, — произнесла сдавленно.

— Да, — поддакнула Галина. — Хорошо, когда рядом поддержка. Он, бедняга, всё держится. Даже не заплакал ни разу, — она покачала головой. — Мужчины так редко плачут. Особенно настоящие.

Я отвернулась к окну.
 Снаружи моросил дождь.
 Капли стекали по стеклу — медленно, тяжело.
 Не плачут. Конечно. Ему теперь незачем.

Галина между тем не унималась — шуршала пакетом, поправляла подушку, щёлкала пультом старенького телевизора.
 — О, вот опять про это! — оживилась она. — Говорят, завтра похороны в Подмосковье. У него, у этого Гордеева, там дом большой, вроде бы прощание будет на закрытом кладбище, но журналисты всё равно прорвутся, куда ж без

них.

Я чувствовала, как в груди что-то сжимается, будто воздух стал вязким.
Завтра. Похороны.
Он даже не подо-
ждал, пока экспертиза закончит, пока тела найдут...

— Хотя, — продолжала Галина, не замечая, — тела-то, говорят, не нашли. Но решили хоронить символически. Что-бы, мол, душа успокоилась. Я вот думаю — может, правильно. Как жить без прощания?
Она повернулась ко мне, ожидая поддержки, но я не ответила.

Душа успокоилась.
Как удобно — похоронить, поставить венок, надеть чёрный костюм и считать, что всё конечно.

— Он всегда так говорил... — пробормотала я, сама не заметив, что произношу вслух. — Что смерть — это просто способ начать заново.
— Что? — переспросила Галина.
— Ничего, — я улыбнулась. — Просто вспомнила.

Она пожала плечами и вернулась к телевизору.
А я лежала, глядя в потолок, и впервые за всё это время не чувствовала пустоты.
Только злое, тихое тепло под рёбрами.

Если завтра меня хоронят, то я посмотрю на это сама.
Незаметно. Издалека.

Чтобы убедиться, что он действительно не плачет.

Утро началось с запаха каши и хлорки.
Кто-то за стеной смеялся, кто-то ругался на медсестру.
Обычная больничная жизнь — громкая, живая.
Только я в ней не

участвовала.

На стуле у окна лежал пакет с моей одеждой.

Высушенной, выглаженной, аккуратно сложенной.

Ни телефона, ни сумки, ни документов при мне не оказалось.

Врач сказала, что такие вещи часто пропадают, если человека находят ночью без сознания.

Я села, провела пальцами по джинсам.
 Мои. Смешно — чужое имя, чужой мир, а джинсы всё те же.
 Ткань шершаво ответила на прикосновение.
 Настоящая. Как и я.

В дверь постучали.
 На пороге — врач. Всё та же. Спокойная, уставшая.
 — Как вы себя чувствуете?
 — Лучше. — Я смотрела прямо. — Можно сегодня выписаться?

Она поколебалась, потом кивнула.
 — В принципе, да. Если вы настаиваете. Только подпишите отказ.

Я взяла ручку. Поставила росчерк: Марина Орлова.

— Есть кому вас забрать?
 — Да. — Ложь вылетела легко, как дыхание.

Врач протянула мне бумагу.
 — У вас всё, что было при вас. Телефона и документов, к сожалению, не нашли.

— Неважно. — Я встала. — Главное — я больше не пациент.

Она кивнула, пожелала удачи и ушла.

Я натянула одежду, застегнула пальто, подняла воротни-

к.
 В пакете звякнула пуговица.
 За окном не прекращался дождь.

Он хоронил меня сегодня.

И я собиралась на свои похороны.

Глава 4

Я уже собрала волосы, спрятав их под ворот пальто, и направилась к двери, когда она открылась сама, и в палату вошла Галина — медленно, придерживая перевязанную руку.

— Ох, наконец-то вернули меня из этих процедур, — буркнула она и только потом заметила меня. — Уезжаешь, значит?

— Да, — кивнула я, поправляя шарф.

Галина одобрительно присвистнула:

— Вот это пальто, конечно... Сразу видно — не из дешёвых. Я бы в таком и на свидание, и на покорение мира пошла, — она улыбнулась просто, по-доброму, без зависти. — Тебе к лицу.

Я посмотрела на своё отражение в оконном стекле. Она права. Пальто было слишком заметным. Слишком... моим. Тем, прошлым.

— Хотели бы такое? — спросила я.

Галина моргнула, растерялась.

— Хотела бы? Да кто бы не хотел. Только мне куда, в нём по лужам прыгать?

— Давайте поменяемся, — предложила я спокойно. — Ваше на моё.

— Эээ... — она заморгала ещё сильнее. — В смысле поменяемся? Зачем? У меня куртка простая, как жизнь. Да ещё

и велика будет.

— Мне нужна простая, — поправила я мягко. — Тёмная. Не бросающаяся в глаза. С капюшоном.

Галина задумалась ровно на две секунды — этого хватило, чтобы простая женщина, привыкшая помогать, приняла решение, не пытаясь копать глубже.

— Ну раз надо, так надо. — Она достала куртку, темную, плотную, немного громоздкую, с глубоким капюшоном. — Мне она, может, и к лицу, но тебе — нужнее.

Я молча протянула ей своё пальто. Галина провела пальцами по ткани осторожно, как по хрупкому хрусталу.

— Красота какая... — вздохнула она искренне. — Спасибо, конечно... неожиданно.

Я натянула её тёмную куртку. Она села мешком, скрыв фигуру, вытянув силуэт, растворив меня в этой серой реальности. Прекрасно. Именно то, что нужно.

Галина тем временем что-то вспомнила, полезла в тумбочку и протянула мне несколько сложенных купюр.

— Возьми на дорогу. Хоть на такси. А то уйдешь в таком виде... вдруг опять упадешь где-нибудь.

— Я не могу...

— Можешь, — мягко, уверенно перебила она. — Я же не от богатства отдаю, а по-людски. Возьми. Иди уже.

Я взяла. Потому что отказ сейчас был бы глупой гордостью.

— Спасибо.

— Иди с Богом, Марина, — сказала она просто, без пафоса. — Найдёшь своё. Женщина всегда находит.

Я натянула капюшон. Проверила — волосы не видно. Лицо в тени.

Теперь — меня не узнает никто.

Вышла из палаты и даже не обернулась.

Такси остановилось у кованых ворот.
 — Приехали, — буркнул водитель, не глядя на меня.

Я расплатилась, вышла и натянула капюшон ниже. Дождь не лил стеной, но моросил колючими иголками, от которых кожа моментально холодела. Сырость пробиралась под одежду, вжималась в кости, будто пыталась добраться до того места, где еще теплилась душа.

Людей было много. Слишком много. Слишком для тех, кто живой мной не интересовался.
 Чёрные зонты, громкие шёпоты, вспышки камер. Кто-то пил кофе из одноразового стакана. Кто-то хрустел бутербродом. Смерть, как и жизнь, редко бывает торжественной.

Я встала в стороне, под огромной елью, в тени, так, чтобы видеть всё — и быть никем.

Гроб стоял в центре. Закрытый. Новенький, лакированный, словно мебель из дорогой витрины.
 И я поняла: они потратились на мой гроб больше, чем на мой брак.

Первые голоса затихли. На переднем плане появились они.
 Он и она.

Лёша был безупречен: правильный чёрный костюм, пра-

вильная осанка, правильное лицо.
 Лена — в чёрном пальто, платок на голове, глаза опущены. Но я видела — её губы дрожали не от горя.

Я стиснула пальцы в карманах куртки.
 Дыхание сбилось.
 Держись. Дыши. Не здесь.

Священник начал читать, но его голос был фоном.
 Главным было другое — они стояли рядом. Вместе. Около гроба, где якобы лежу я.

Лена вдруг слегка коснулась живота. Невыразительный жест, почти незаметный. Но я знала.
 Я почувствовала, как что-то хрупкое внутри меня треснуло.

Он знал,
 она знала,
 и они оба хоронили только меня.

А его
 — моего малыша —
 для них просто не существовало.

Грудь сжало так, что я едва не согнулась.
 Боль была не как ураган — нет.
 Она была как тонкая проволока, медленно, методично стягивающая сердце.

Лёша вышел вперёд. Начал говорить.

Слова были правильные.
 Про «свет»,
 про «невероятную женщину»,
 про «невосполнимую потерю»,
 про «любовь, которая останется в памяти».

Если бы камни умели смеяться, кладбище бы сейчас захохотало.

Он говорил красиво.
 И верил, что его слушают.
 Я слушала — и думала только одно:

«Ты хоронишь мать своего ребёнка. И даже не произнёс, что он был.»

В какой-то момент он чуть наклонился к Лене.
 Лена — к нему.
 И это движение было ближе, чем всё, что я когда-либо замечала между ними при жизни.

Я отвела взгляд и увидела маму.

Она стояла рядом с ним, держась за его локоть, ищущая в нём опору.
 Сухая, собранная, как будто всё это — не трагедия, а тяжёлый, но правильный урок судьбы.

Даже мама — на его стороне.

На секунду я зажмурилась, иначе бы сорвалась.
 Холодный воздух дернул лёгкие.
 Слёзы обожгли глаза, но я заставила их остаться там, где им место — внутри.

Когда всё закончилось, люди потянулись к гробу. Кто-то крестился, кто-то шептал соболезнования, кто-то просто смотрел — из любопытства, не из горя.

Я стояла в тени, прижимая ладони к груди, словно могла удержать там то, чего уже не было.

Лена опустила голову Лёше на плечо — слишком нежно для только что овдовевшего мужа.
 Лёша положил руку ей на спину — слишком уверенно, слишком привычно.

Вот она, их любовь. Вот она, их победа.

Я дышала часто, неглубоко, будто воздух стал стеклянным и давил изнутри.

Они знали. Оба знали, что во мне билось два сердца.

И всё равно... ни слова.

Я почувствовала, как к горлу подступает волна тошноты и боли — не физиологической, а той, что рвет изнутри медленно, с хрустом.

Повернулась, готовая уйти, когда вдруг увидела его.

Он стоял чуть позади всех — в чёрном, с мрачным, усталым взглядом.
 Он не делал театра из скорби.
 Он просто... скорбел. По-настоящему.

Я поймала его взгляд случайно — и замерла.

Там было столько боли, что я впервые за всё это время захотела отвернуться не из силы, а из слабости.
 Потому что рядом с его немой болью моя казалась невыносимой.

В следующую секунду он поднял глаза и посмотрел в мою сторону.
 Не на меня — а в меня. Как будто почувствовал.

Я отшатнулась на шаг назад и опустила голову, натягивая капюшон ниже.
 Ещё миг — и он бы пошёл ко мне. Я видела это в его взгляде: узнавание на уровне инстинкта, не памяти.

Но я не могла позволить себе быть увиденной.
 Не сегодня.

Развернулась и пошла прочь — быстро, почти на ощупь, пока шум, речи, осуждающие взгляды и фальшивая скорбь не смылись дождем у меня за спиной.

Я ушла раньше, чем он успел шагнуть.

Пусть хоронят моё тело.
 Пусть оплакивают жизнь, которой больше нет.

Я жива.

И это — единственное, что им не нужно знать.

Книга выходит в рамках литмоба “Неправильный развод”.

Только для читателей 18+.

Все книги которого можно посмотреть по ссылке: <https://litnet.com/shrt/viw5>

Глава 5

Дмитрий

Дождь бил по стеклу, размывая отражение. Я сидел в машине, не включая двигатель. Не было сил. Не было смысла спешить.

Похороны закончились, люди разъехались, а тишина не приносила ни облегчения, ни ясности. Только гул в груди. И пустоту, которую невозможно заполнить словами.

Вероника.
 Если бы кто-нибудь спросил меня при жизни, кем она была для меня — я бы не ответил. Не имел права. Я всегда держался на расстоянии. Она — жена партнёра. Умная. Сильная. Живая. Та, кто видела людей насквозь.
 А я — тот, кто выбрал молчание. Из принципа. Из самодисциплины. Потому что лезть в чужую семью — не моё.

Но сейчас я впервые пожалел, что молчал.

Я закрыл глаза. "Стало скучно без тебя". Смешно, что вспомнилась именно эта её фраза — случайная, сказанная когда-то на офисной кухне, с чашкой кофе в руках. Тогда я лишь усмехнулся. А сейчас она резала, как стекло.

Конечно, Лёша произнёс сегодня красивую речь. Правильную. Гладкую. И именно это выбивало из равновесия больше всего.
 Живой человек так не говорит на похоронах жены.
 Живой человек не стоит с новой женщиной

настолько близко, что между ними не продохнуть.

Лена.
 Она даже лицо не соизволила держать — ни грамма боли. Удобная. Гибкая. Правильная. Такая, какой Лёше всегда было мало — и вдруг стало достаточно.

Я провёл ладонью по лицу. Злость была — но не на них. На чувство, что меня держат за идиота.

А потом я вспомнил, как Лёша, едва гроб опустили, уже говорил вполголоса с юристом. Оформление бумаг. Доступ к счетам. Доли.
 Слишком быстро.
 Слишком уверенно.
 Как будто ждал.

И ещё одно не отпускало.

Женщина в капюшоне.

Всего секунда. Всего взгляд. Но я его почувствовал. Не глазами — кожей.
 Как будто она смотрела так, как никто не смотрит на похоронах чужого человека.
 Не любопытство.
 Не чужое сочувствие.
 Боль. Своя. Личная.

Я поморщился. Глупость. Наверное, нервы. Усталость. Дождь, сырость, недоверие к партнёру — всё вместе создаёт призраки там, где их нет.

Но от мысли избавиться не получалось.

Я завёл двигатель.
 Если чувства лезут вперёд логики — надо дать слово логике. А логика говорила одно: слишком много совпадений
 и слишком мало фактов.

Я не верю Лёше.
 И я не верю в идеальные трагедии, где всё складывается так удобно для одного человека.

— Черт, — тихо выдохнул я.

Нет, я не собираюсь мстить. И не собираюсь никого спасать. Но я хочу знать правду. Потому что правда — единственное, что меня когда-либо держало в этом мире.

Я достал телефон, открыл контакты, нашёл нужный номер.
Авиаэксперт. Старый знакомый. Не пресс-релизы, не официальные сводки — настоящие данные.

Палец завис над кнопкой вызова.

Не ради Вероники.
Слишком поздно уже что-то делать «ради неё».
Ради себя. Чтобы не дать Лёше про-
вернуть то, что он задумал.

Я нажал.

Глава 6

Вероника

Дорога от кладбища казалась бесконечной. Каждый шаг отзывался в теле тупой, тянущей болью. Ноги гудели, внутри тянуло низ живота — напоминание о том, что я потеряла не только свою жизнь, но и ту, что даже не успела начаться. Дождь забивался под кожу, в кости, вглубь, туда, где уже и так всё было размыто.

Асфальт блестел, отражая фары машин, редкие окна, неон — жизнь большого города, который не заметил ни моей смерти, ни моей боли. Я шла быстро, потом медленно, потом снова быстро — как человек, который сам от себя уходит. Но от себя не уйдёшь.

«Я официально мертва.»
 Мысль была ледяной.
«И неофициально — никому не нужна.»

Свобода, в которую меня швырнули, оказалась пустыней. Ни дома. Ни имени. Ни будущего. Только темная куртка и чужие стены.

Я не заметила, как дошла до круглосуточного кафе.

Внутри пахло несвежим маслом и ванилью из пакетиков. Тёплый свет, липкие столы, стеклянная витрина с пирожными, которые не умирают со временем. Я выбрала самое дальнее место — спиной к стене, лицом к двери. Так легче дышать.

Счёт вышел смешным и обидным: чай в картонном стакане и ватрушка. Я отдала две смятые купюры — Галинины — и получила сдачу монетами. Крохи, но без них я бы не добралась даже сюда. Ничего. Сегодня у меня цель простая: досидеть до утра и не раствориться.

Ночной зал жил своей жизнью: курьер с промокшей коробкой пиццы, девушка в наушниках перед ноутбуком, двое грузчиков с пустыми взглядами и горячим борщом. Официантка — усталая, с обрезанными под корень ногтями — протирала столы по кругу, как будто пыталась стереть не крошки, а усталость из воздуха.

Я грела ладони о бумажный стакан и считала вдохи. Если смотреть на часы — ночь становится длиннее. Если смотреть на людей — короче. Я смотрела на людей.

Сердце отпускало рывками, как мотор, который глохнет и снова заводится. Внутри было пусто и громко одновременно. Пусто — потому что всё кончилось. Громко — потому что тело все еще помнило боль.

Я опустила взгляд на руки. На правом пальце — тонкое золотое кольцо. Обручальное. Не сняла. Даже вчера. Даже тогда.

И маленькие сережки-гвоздики — те самые, которые не снимаешь годами, потому что они «просто есть».

«Просто есть» — как жизнь, пока ее не отнимают.

Я сняла кольцо. Внутри осталась бледная полоска. Смешно: кожа помнит вернее, чем люди. Положила рядом на сал-

фетку. Потом — сережки. Мир стал чуть холоднее, но голова — яснее.

Ломбард. Завтра. Открываются рано. На проспекте, возле аптеки, я помню вывеску — жёлтую, мерзкую. Когда-то меня раздражало, как она портит вид улицы. Сегодня жёлтый цвет вдруг показался тёплым.

Этого хватит? На пару дней — точно. На дешёвый номер в хостеле, на новую сим-карту, на горячий суп — хотя бы один раз как человек. А потом буду думать. Я не ищу выхода на всю жизнь. Мне нужно купить время.

Официантка поставила ведро у мусорки, оглянулась и задержала на мне взгляд. Не жалость — внимательность. Я кивнула ей, она ответила кивком. Мы обе понимали правила ночи: не задавать вопросов, пока человек держится.

Я доела ватрушку, расстелила на стуле куртку, чтобы не липло, и уронила лоб на сложенные руки. Сон пришёл отрывками, как плохой сигнал: минут десять — провал, затем резкий подъем — шум двери, кашель, стук ложки о керамику. Я сбивалась, возвращалась, снова проваливалась.

Под утро стало тише. Ночная река рассосалась. На улице светлело так неохотно, будто день не хотел наступать.

Я встала, умылась в крошечной туалетной комнате, подняла капюшон. Кольцо и сережки переключались в карман, холодные, как вчерашний дождь. Я взяла стакан свежего чая — ещё одна мелкая трата, но без него я не дойду.

— Удачи, — сказала официантка тихо, будто мы знако-

мы.
 — Спасибо, — ответила я. Глупое, обычное слово вдруг оказалось большим и важным.

Дверь звякнула, выпуская меня на серый утренний свет. Город пах мокрым асфальтом и чужими планами. Мои планы были простыми.

Сначала — желтая вывеска.
 Потом — койка в хостеле.
 Затем — новая сим-карта на новое имя.
 И только в конце — я.

Я шла и думала, что месть — это роскошь для тех, у кого есть завтрак и крыша. Сегодня у меня будет и то и другое.

Сегодня я продам остатки прошлой жизни — и куплю себе время. А уже завтра начну жить заново.

Дорогие читатели! Хочу представить вам еще одну историю литмоба “Неправильный развод”

“Развод. Кому ты нужна в 45?” Оксаны Лебедь
<https://litnet.com/shrt/WYBO>

Глава 7

На проспекте, возле аптеки, тускло горела жёлтая вывеска ломбарда. Простенькая, дешёвая, раздражающая. В прошлом. А сегодня — как свет в конце тоннеля.

Я сжала украшения в кулаке, чувствуя металл, холодный и чужой. Серёжки-гвоздики. Тонкое обручальное кольцо, которое я носила как символ, а теперь продавала как вещь. Это была цена. И я была готова её заплатить.

— Сколько? — спросила я, положив украшения на стекло.

Мужчина за прилавком — узкие глаза, толстые пальцы, голоса много, сочувствия мало — покосился на меня поверх очков и начал рассматривать металл.

— Четырнадцать карат. Граммов мало. Дам... так, — он написал сумму на бумажке.

Я взглянула. Этого хватало на несколько дней. На постель. На еду. На возможность не провалиться в бездну прямо сейчас.

— Беру, — сказала я.

Он даже не удивился моей скорости. Деньги пересчитал медленно, как будто не мне их отдаёт. Хотелось забрать наличные и исчезнуть. Я так и сделала.

Хостел оказался ещё дешевле, чем я надеялась: табличка, дверной звонок, женщина-регистратор, которая устало кив-

нула и потребовала паспорт, но согласилась принять за наличные. Мигающая лампа, узкий коридор, запах старого текстиля — всё это было так непривычно близко к человеческой жизни, что пахло спасением.

В комнате — четыре койки, тонкие одеяла и один рабочий стол. Я уже тянулась к кровати, готовая провалиться в сон, но свет экрана резанул взгляд. Кто-то оставил компьютер включенным: на мониторе открыт сайт местного делового портала.

В шапке — новость:

«Совет директоров компании “Вектор Инвест” созвал внеочередное заседание — возможное перераспределение долей.»

Сердце внутри сжалось в тугой узел. Он не только похоронил меня в земле. Он пытался похоронить меня на бумаге.

Я вчиталась. Фамилии. Намёки. Юрист, всегда стоящий рядом с Лёшей. Всё слишком ровно, слишком удобно. И слишком быстро после «трагедии».

Нежелание бороться, которое мучило утром, испарилось как дым. Я могла бы упасть и отключиться на сутки. Могла бы. Но не сейчас. Не после этого.

Я сжала наличные плотнее в кулак. Деньги перестали быть хлебом — они стали инструментом. Спустилась к ларьку у входа и купила дешёвый телефон с новой сим-картой. Мужчина протянул коробку равнодушно. Телефон пискнул, экран ожил. Мир снова стал доступен. Но теперь он был

средством, а не угрозой.

Я вернулась в комнату, села на койку, открыла заметки и набросала план:
 «контакт — встреча — заплатить — получить помощь».

План был кривой, но он был. А мне нужен был не идеальный — а рабочий.

И тут оно всплыло. Имя. Образ.
 Вадим Лапин.

Тёмные волосы. Очки. Насмешливый ум. Айтишник, который несколько лет назад занимался финансовыми отчётами и знал, куда текут деньги. Мы не дружили — но ладили. И он, я помнила, Лёшу не любил.

Я решила рискнуть.

Набрала номер прямо по памяти. Сердце билось частыми, рваными толчками, будто боялось опоздать раньше меня. Несколько гудков. Длинных. Тягучих.

И вдруг — сонный, хрипловатый голос:

– Алло... Кто это?

Я сжала телефон крепче. Назад пути не будет.

– Нам нужно встретиться.

Дорогие читатели! Хочу представить вам еще одну историю литмоба “Неправильный развод”

Для читателей старше 18 лет.

“Развод в 40. Право быть счастливой” Вера Устюгова

<https://litnet.com/shrt/LCfa>

Глава 8

Кафе, где мы договорились встретиться, пахло дешевым кофе и пережаренным маслом. Неброское, в меру шумное, никто не смотрит в чужие чашки — идеальное место, чтобы остаться незамеченной. Я выбрала столик у стены и сделала вид, что просто жду заказ.

Вадим появился точно в назначенное время — без поиска взглядом, без лишних пауз. Просто подошел, остановился напротив и всмотрелся в меня чуть внимательнее, чем требовали правила приличия. В его глазах не вспыхнуло удивление, только интерес — значит, новости прочитал заранее.

— Живучая, — произнес он тихо и сел рядом, не снимая куртки. — В ленте ты числишься трупом. Хочешь объяснить, прежде чем я решу, стоит ли мне вообще здесь находиться?

Я не повела бровью и не стала оправдываться. Просто встретила его взгляд и ответила ровно:

— Если бы я была мертвой, ты бы сюда не пришёл.

Он усмехнулся коротко, без тени тепла — скорее констатация факта, чем эмоция.

— Логично, — признал он. — Но давай без загадок. Зачем я тебе, Вероника? И почему мне не развернуться и не уйти, пока ты официально лежишь в земле?

— Потому что ты ненавидишь Гордеева так же, как и я,

— ответила я. — И потому что ты знаешь, где у него самые уязвимые места.

Он чуть подался вперед, сцепив пальцы на столе. Смотрел так, будто взвешивал не слова, а возможные последствия.

— Ты предлагаешь мне риск, — произнес он спокойно. — Ладно. Тогда начнём с простого: какая информация тебе нужна и что ты предлагаешь взамен?

— Мне нужны недавние платежи фирмы, особенно переводы через подрядчиков и третьих лиц, — ответила я. — Тебе это займёт пару часов. А взамен — деньги. Наличные. Сразу.

Он дернул уголком рта — не улыбка, а реакция на слово «наличные».

— Наличные — звучит честно, — пробурчал он. — Но давай уточним границы. Тебе нужны только цифры? Или ты собираешься открыть войну и хочешь, чтобы я нырнул на самое дно?

Он посмотрел прямо в глаза, как будто проверял, выдержи ли я его условия.

— За «точечную» выгрузку и пометку — тридцать тысяч, — сказал он спокойно. — Это значит: я выгружаю платежи, отмечаю подозрительные проводки и цепочки подрядчиков — те самые связки, через которые утекает лишнее.

Он чуть наклонился вперёд. — Если будем копать глубже и найдём «чёрный» поток, я беру треть от того, что реально можно будет подтвердить и «вернуть» на бумаге. И молча-

ние. Никаких шоу.

— Устраивает, — кивнула я. — Но сначала мне нужен результат, хотя бы один файл. Доказательство, что ты действительно можешь открыть доступ туда, куда другим вход закрыт. И только после этого — проценты и глубина.

Он кивнул и убрал локти со стола, как человек, принявший условия.

— Ладно. Один файл будет, — сказал он. — Не здесь, не за пять минут, а нормально. Мне нужен доступ к ноутбуку и пара часов. Завтра — пришлю выгрузку. Чистую, без мусора, только то, что тебя заинтересует.

Он достал телефон и положил на стол — не как жест доверия, а как обозначение регламента:

— Номер у тебя мой ест. Но больше никаких звонков — только сообщения. И никаких «случайных» контактов. Я не горю желанием внезапно оказаться рядом с твоим мужем.

Я передвинула к нему конверт с деньгами. Он не стал пересчитывать — просто убрал в куртку.

— Один файл, — напомнила я. — Потом — проценты, глубина и всё остальное.

— Один файл, — подтвердил он. — И, Вероника... если ты решила его ковырнуть, назад дороги уже не будет.

Он поднялся из-за стола.

— И последнее, — сказал он тихо. — Если Гордеев узнает, что ты жива и полезла в его деньги, он начнёт зачищать следы. Не сомневайся.

Он развернулся и ушёл не оглянувшись.

Я допила остывший кофе и уже собиралась выйти, когда телефон в кармане коротко вибрировал. Новое сообщение от Вадима:

«Заседание перенесли на сегодня. 19:00. У тебя мало времени.»

По позвоночнику прошёл холод.
 Значит, они торопятся.

А я — успею раньше.

Дорогие читатели! Хочу представить вам еще одну историю литмоба “Неправильный развод”

Для читателей старше 18 лет.

“Развод. Танцы на осколках” Ниониллы Ржевской

https://litnet.com/shrt/LQ_J

Глава 9

Сообщение от Вадима я перечитала дважды.

«Сегодня. 19:00. У тебя мало времени.»

19:00.
 Четыре с небольшим часа — и меня окончательно сотрут из реальности. Не только как человека, но как фигуру, которая хоть что-то значила в этом бизнесе. После заседания изменить что-то будет практически невозможно. А значит — действовать надо сейчас.

Я открыла браузер на телефоне и нашла сайт совета директоров. Официальные контакты, регламент, порядок заседаний. Всё выглядело стерильно и неприступно, как витрина ювелирного магазина — блестяще, холодно, и к стеклу можешь прижаться, но достать ничего не получится.

Хорошо. Начнем с логики.

Я нашла номер горячей линии банка, который курировал крупные транзакции компании, и нажала вызов. Ответили быстро — вежливый, поставленный голос специалиста. Я говорила ровно, почти официально, объяснила, что есть возможные нарушения и совет не может принимать решения, пока не проведена проверка.

— Ваша фамилия? — прозвучало в трубке.

Пауза. Короткая. Я знала, что назвать настоящую — значит расписаться в собственном самоубийстве.

— Это анонимное уведомление, — чётко сказала я. — Я

могу передать данные и...

— Мы можем принять информацию только от авторизованного лица или по официальному запросу, — перебил голос. — Анонимные сообщения не рассматриваются. Обратитесь с документами, и мы...

Щёлк.

Я сбросила, не дослушав.

Первая дверь закрылась. Логика не сработала.

Я на секунду прикрыла глаза, прокручивая ситуацию. По закону Лёша не мог вступить в наследство раньше полугода — это я знала. Но дело ведь было не в наследстве. Долю можно не “унаследовать”, а “перераспределить” через совет — красиво, формально, безупречно на бумаге. Мою долю просто размоют среди своих, и когда срок подойдет — там уже не останется ничего, кроме подписи.

Значит, времени у меня действительно не было.

Раз логика не сработала, оставалась хитрость.

Я пролиستала список членов совета, и взгляд сам остановился на его имени — Дмитрий Александрович Корнеев. Единственный, кто на похоронах не играл роли. Я помнила, как он стоял в стороне — в чёрном, с опущенными плечами, без слов, без фальши. Он не рыдал и не давил на жалость. Он просто... скорбел. По-настоящему.

Я сжала телефон крепче. Если в совете и был человек, который способен услышать правду — то это он.

Не союзник, но и не марионетка. И главное — человек,

который мог заинтересоваться фактом нарушения ради собственной репутации.

Я составила короткое анонимное письмо — без эмоций, без лишних слов. Только факты и намек на документы. Прикрепила скрин, который Вадим прислал раньше — достаточно, чтобы зацепить внимание, но недостаточно, чтобы вычислить источник.

Перед отправкой на секунду замерла, держа палец над кнопкой.

«Всё или ничего.»

Я отправила письмо.

Ответ — красная полоска сверху: «Сообщение отклонено. Доступ для внешних адресатов ограничен.»

Я попробовала второй адрес — общий корпоративный. Тот, что по регламенту «обрабатывается секретариатом». Через секунду пришел автоответ:

«Ваше обращение принято. Время обработки — до 15 рабочих дней.»

Пятнадцать дней. У меня — четыре часа.

Я ещё раз пересмотрела список адресов, потом сбросила телефон на стол и сжала виски руками.

Система не просто молчала — она была глухой, как бетон.

Я вышла из кафе и побрела без цели и маршрута, пока экран телефона безжалостно напоминал мне время: 16:42. Часы двигались, а я — нет. Все попытки достучаться до системы разбивались о стекло, как муха о витрину.

Если система глуха, остаются люди.
 Мысль родилась сама. Единственный человек, который мог бы захотеть для меня добра... или хотя бы не желать зла. Мама.

Я не надеялась, что она решит проблему, — но мне нужен был голос, который не врёт. Хоть один. Хоть раз. Хоть попытка услышать меня, а не его.

До её дома было две станции на метро. Я спустилась в переход, сжала руки в карманах и втиснулась в вагон. Темные окна, потоки людей, чужие запахи, чужие разговоры — всё проходило сквозь меня. Когда-то, в детстве, дорога к маме означала защиту. Сейчас — последнюю, отчаянную надежду.

У подъезда я остановилась, вдохнула и шагнула к домофону. Ввела знакомый код — палец дрогнул на последней кнопке.

Фары.
 Тормоза.
 Чёрный кузов, сверкающий мокрыми каплями дождя.

Его машина.

Я машинально отошла в сторону, спряталась за припаркованную рядом старую «Мазду». Низко, близко, чтобы меня не увидели. Сердце билось в горле.

Лёша вышел, захлопнул дверь и набрал тот же код, который секунду назад набирала я. В руках — пакеты из дорогого магазина. Уверенная спина. Чужое спокойствие.

Домофон щелкнул, и я услышала голос:

— Алексей? Заходи, дорогой.

Мама.
 Тепло. Добро. Мягкость. Всё то, что мне когда-то ломали словами «молчи», «терпи», «сама виновата».

Он вошёл, дверь закрылась.
 А я так и осталась стоять за чужой машиной, среди осеннего двора, с ощущением, что меня выгнали из собственной памяти.

Никаких иллюзий больше не было.
 Этот дом мне не дом.
 И в нём давно уже выбрали сторону.

Я развернулась и ушла.

Брела, не разбирая улиц, пока ноги не привели меня к остановке. Села на холодную металлическую скамейку и обхватила себя руками. Телефон показал 17:28.

Полтора часа.
 Полтора часа, за которые я не могла сделать ничего, кроме как убедиться: я — никто. Нет имени, нет голоса, нет права влиять даже на то, что создавалось моими руками.

Я попыталась ещё раз — через сайт банка, через форму электронного обращения, через чат-бота, который выдавал подготовленные фразы про «регламент обработки». Система с одинаковым спокойствием отказывала мне быть кем-то, кроме тени.

В 18:07 я поняла, что это конец.
 Мои «попытки» были смехотворны. Слишком правильные, слишком честные для мира, где всё давно решено кулуарно, за закрытыми дверями, мужчинами с уверенными голосами и женщинами в чёрных платьях, стоящими правильными полушагами позади.

Я смотрела на людей, спешащих по своим делам, и впервые ощутила не боль, а пустоту. Полую, звенящую. Из того состояния, где уже не плачут.

Я умерла — и никому нет до этого дела.

Телефон в руке погас. Я просто сидела — пока город жил, дождь моросил, а где-то там, в тёплом зале с кофе и охраной, готовились подписать мое окончательное исчезновение.

Я поднялась, только когда экран снова мигнул 18:49.
Всё. Больше я ничего не успею.

Я зажала телефон в кулаке и выдохнула. Глухо.
 — Ладно. Раунд за вами.

Но война — нет.
 Я не закончила. Я затаилась.

Дорогие читатели! Хочу представить вам еще одну историю литмоба “Неправильный развод”

Для читателей старше 18 лет.

“Развод. Без правил” Елены Грей

<https://litnet.com/shrt/qYJc>

Глава 10

Дмитрий

Документы на экране расплывались, хотя я смотрел на них уже минут десять. Не от усталости — от того, что мысли снова и снова упрямо возвращались туда, где им быть не положено. В серые стены аэропорта. В дождь. В чёрный список имён, среди которых было и её.

Вероника.

Я откинулся в кресле, потер переносицу и заставил себя сделать вдох. Работы было много, времени мало. А память — всегда не вовремя. Она вообще не знает слова «уместно». Дверь кабинета приоткрылась, и я автоматически выпрямился, закрывая лишние вкладки на мониторе.

— Дмитрий Александрович?.. — заглянула секретарь. — Вас просят на срочное совещание. Совет назначен на сегодня, к семи вечера. Повестка уже у меня, принести?

Я повернул голову. Срочный совет? Сегодня? В таком тоне?

— Пришли на почту, — коротко ответил я.

Она кивнула и скрылась за дверью. Я снова посмотрел на монитор — и позволил прошлому отступить. Сейчас не время. Сейчас надо думать.

Письмо пришло почти сразу. Я открыл вложение, бегло пробежался глазами по сухим формулировкам и остановил-

ся на четвертом пункте повестки:

«Перераспределение долей. Вопрос вынести без обсуждения. Голосование — простым большинством».

Быстро. Слишком быстро.
 Даже для Лёши.

Я медленно откинулся на спинку кресла. После похорон, после такой трагедии, совет обычно замирает. Выжидает. Соблюдает паузу, хотя бы формальную. И уж точно не трогает доли в состоянии, когда еще не завяли цветы на могиле.

Зачем такая спешка? И почему — сегодня?

Я пролистал дальше. Пунктов было немного, но каждый звучал как накатанная схема, а не как живое обсуждение. Словно всё уже решили. Словно заседание — просто форма.

Меня редко посещало то странное внутреннее чувство, которое некоторые называют интуицией, а я — профессиональным чутьем. Но сейчас оно появилось. Холодное. Четкое.

Что-то здесь не складывалось.

В этот момент телефон завибрировал — сообщение от моего человека из комиссии по экспертизе. Инстинктивно прочёл сразу:

«Есть результаты по первичным данным. Позвони, как сможешь. Есть нюанс.»

Нюанс.
 Не «данные», не «итоги», а нюанс.

Я потянулся за телефоном.

Если уж всё пошло так, пусть пазл складывается до конца. — Ну? — произнес я, едва услышал в трубке знакомый

голос. — Что за «нюанс»?

— Дмитрий Александрович... — собеседник выдохнул тяжело. — Ситуация странная. У нас есть отметка, что в тот вечер одна пассажирка обращалась в медпункт аэропорта. Женщина, по описанию — подходит под рост и возраст вашей... — он осёкся, но продолжил: — под одну из погибших. Только вот — в журнале регистрации есть ее подпись, а в списке на посадку — она проходит как севшая на рейс вовремя. Понимаете?

Я молчал. Чтобы дать себе секунду.

— Ошибка? — спросил я нейтрально.

— Должна быть. Но подпись — живая, и время стоит то самое. После медпункта она явно не могла пройти досмотр и успеть на рейс вовремя. По крайней мере, официально.

Я закрыл глаза. Перед внутренним взглядом всплыли мокрый асфальт, траурные лица, дождь на кладбище. И её имя на табличке, которое я не позволил себе даже произнести вслух.

— Ты уверен в журнале? — спросил я.

— Абсолютно. Я проверил. Подделать его сложно — он дублируется. И ещё... — голос стал тише. — Врача, который дежурил в тот вечер, отправили в принудительный отпуск. Без объяснений.

Холодное чувство внутри щелкнуло, как замок.

— Пришли всё, что можно, на мою почту, — произнёс я ровно. — И никому больше про это не говори.

— Понял.

Я отключился. Несколько мгновений смотрел на темный экран, пока мысль, от которой я до этого бежал, наконец не догнала меня.

Либо халатность.
 Либо ложь.

И если это ложь — тогда не всё так, как нам показывают. В дверь постучали, сбивая с мысли.

— Дмитрий Александрович... можно на минуту?

Я кивнул.

Секретарь вошла с планшетом, прижимая его к груди так, словно несла не технику, а заявление об увольнении.

— Тут одна вещь. Пришло на общую корпоративную почту буквально полчаса назад. Анонимно. Автор не установлен. Я сначала хотела отправить в спам, но... — она замялась. — Решила, что вы должны увидеть сами.

— Показывайте.

Она передала мне планшет и отошла на шаг.

Я открыл письмо.

«Совет в 19:00 используется для перераспределения. Решение уже сформировано вне протокола. Проверьте соответствие устава и сроки для подобных голосований. Несоответствие позволит оспорить итоги. Спешка вызвана страхом проверки. Времени мало.»

Я перечитал медленно.

Никаких эмоций.
 Никаких обвинений.
 Ни пола, ни личности, ни мотивов.

Только факты. И главное — точно в цель.

— Удалить? — тихо спросила секретарь.

Я положил планшет на стол.

— Нет. Оставьте. И поднимите устав, прежние протоколы и сроки вынесения вопросов по долям. Срочно.

— До заседания осталось тридцать минут.

— Знаю. Работайте.

Она вышла.

Я остался один, глядя на несколько сухих строк, которые могли означать одно из трёх:

либо инсайдер,
 либо шантаж,
 либо кто-то там, за стеной этой трагедии, очень не хочет, чтобы Гордеев довёл свой план до конца.

Я закрыл письмо и поймал свое отражение в тёмном экране.

Если это игра — я больше не намерен быть в ней пешкой.

И время — действительно таяло.

Дорогие читатели! Хочу представить вам еще одну историю литмоба “Неправильный развод”

Для читателей старше 16 лет.

“Идеальный развод или Vip-развод для своих” Алла Дроздова

<https://litnet.com/shrt/DFhe>

Глава 11

Длинный овальный стол, стекло и металл. За широким панорамным окном темнело, отражая в стекле собравшихся — каждый в своём чёрном деловом силуэте. Воздух был глухим, натянутым, как перед выстрелом.

— Начнём, — сказал кто-то из членов совета.

Пустое кресло рядом с Лёшей бросалось в глаза. Это было её место. Тень в зале. Отражение, которое никто не хотел видеть.

Лёша сидел прямо, с безукоризненной осанкой, руки сложены замком. Взгляд — уверенный, холодный. Он выглядел не как человек, который пережил похороны жены. Он выглядел как человек, который пришёл за трофеем.

— Первый вопрос повестки... — начал секретарь совета. Я поднял руку.

— Прежде чем мы перейдем к голосованию, — произнёс я спокойно, — у меня есть заявление.

Несколько голов повернулось. Лёша — тоже. В его взгляде мелькнуло раздражение: не страх, не тревога — раздражение, что его прервали в заранее отрепетированном спектакле.

— Дмитрий, — произнёс он ровно, — давай без задержек. У нас у всех траурные дни, но работать нужно.

— Именно поэтому, — ответил я, не меняя тона, — я и

настаиваю на корректности. Голосование сегодня невозможно.

Тишина опустилась мгновенно. Где-то щелкнул автомат кондиционера.

— На каком основании? — голос Лёши оставался мягким, но челюсть уже напряглась.

Я положил на стол папку.

— Есть нестыковки в документах. И если вы попытаетесь провести перераспределение в таком виде, решение может быть признано недействительным. Я требую юридическую проверку и перенос заседания.

Пауза затянулась.

— Нестыковки? — повторил Лёша, приподняв бровь так, будто слышал детский лепет, а не юридический риск. — Дмитрий, это траурный совет, не ревизионная комиссия. Мы просто доводим до конца то, что и так было решено.

— Не в таком порядке, — ответил я. — И не с теми формулировками.

— Формулировки, — Лёша усмехнулся одними губами, — подбирались юристами. Профессионалами. Или ты полагаешь, что видишь дальше всех остальных за этим столом?

— Я полагаю, — я спокойно встретил его взгляд, — что спешка всегда имеет причину. И когда кто-то торопится переписать доли сразу после похорон — это причина остановиться, а не ускоряться.

Фраза ударила точно туда, куда и должна была. Лёша за-

мер, будто на секунду сделал вдох не тем воздухом.

В зале кто-то кашлянул. Кто-то отодвинул папку. Кто-то посмотрел на часы — будто проверяя, как быстро закончится неловкость.

— Давайте не будем разыгрывать мораль, — сказал он уже жёстче. — Вероники нет. Точка. Мы все скорбим, но бизнес не остановить.

Мы все скорбим.
Ложь звучала так спокойно, что стало мерзко.

Я наклонился чуть вперед, сдерживая голос, чтобы он не стал холоднее, чем нужно:

— Я не ставлю под сомнение скорбь. Я ставлю под сомнение процесс. И пока мне не представят заключение и сверку данных, голосования не будет.

Лёша в упор смотрел на меня. Глаза — тёмные, злые. Без капли траура.

— Ты саботируешь решение совета.

— Я защищаю его от последствий, — ответил я. — Мы оба знаем, чем оборачиваются поспешные юридические ходы, если в них найдут ошибку. Или несостыковку. А я уже нашёл одну.

Эта последняя фраза изменила воздух в зале.
Не громко. Но ощутимо — как смена давления перед грозой.

— Я требую конкретики, — голос Лёши стал официальным, но в нём уже прорезался металл. — Иначе это манипуляция.

— Назову, — ответил я так же официально, — но после проверки. В рамках правового порядка. А не в режиме аврала.

Я повернулся к секретарю совета:

— Внесите в протокол: «В связи с необходимостью юридической сверки и уточнения фактов, затрагивающих прямую законность процедуры, заседание переносится до предоставления заключения».

Секретарь растерялась, но подняла ручку.
Пауза стала натянутой, как струна.

— Ты не имеешь права переносить единолично, — процедил Лёша.

— Имею, — я даже не посмотрел на него, — согласно пункту 7.4 устава: «При наличии риска юридического конфликта или несоблюдения сроков уведомления, любой из учредителей имеет право потребовать паузы до устранения риска». Это та статья, которой ты, кажется, не ожидал.

Кто-то из членов совета тихо закрыл папку.
Кто-то облегченно выдохнул.
Кто-то опустил глаза, понимая, что спектакль сорван.

— Заседание перенесено, — сказал я. — Дату определим после заключения.

Я встал. Стул скрипнул громче, чем следовало бы.

И только тогда Лёша тоже поднялся.

— На два слова, — выдохнул он, сдержанно, но с такой яростью под кожей, что зал на секунду замер.

Я кивнул и вышел в коридор, даже не обернувшись.

Дверь закрылась за нашими спинами, глуша шёпот зала.
 Мы остались наедине в длинном коридоре, пахнущем свежим деревом и дорогим лаком.

— Тебе что надо? — прошипел Лёша, забыв и про мягкость, и про маски. — Ты хочешь показательно сломать всё только потому, что у тебя траур по моей жене?

Я посмотрел на него спокойно.

— Нет. Я хочу, чтобы закон не становился прикрытием твоей жадности.

Он усмехнулся — коротко, зло.

— Ты ничего не доказал.

— Пока, — поправил я.

На мгновение мы просто смотрели друг на друга.
 В его глазах — раздражение, страх, ненависть и... не было ни грамма боли.
 В моих — только решение.

— Я всё равно проведу голосование, — бросил он. — С тобой или без тебя.

— Посмотрим, — ответил я и пошёл прочь.

Я не обернулся.
 Он — не крикнул.

Но я знал: в этот момент мы оба поняли, что отныне стоим по разным сторонам линии, и назад дороги нет.

На улице было прохладно. Ветер разносил по асфальту мокрые листья. Я достал телефон, посмотрел на чёрный экран — и подумал:

«Если правда утонула, я вытащу её за волосы. И мне всё

равно, кто окажется под водой.»

Дорогие читатели! Хочу представить вам еще одну историю литмоба “Неправильный развод”

Для читателей старше 16 лет.

“Развод (не) по плану” Дарья Словник

<https://litnet.com/shrt/SHjO>

Глава 12

Вероника

Время вышло.
 Заседание должно было начаться.

Я сидела на кровати, не чувствуя ни ног, ни пальцев. Экран рядом — немой, будто затаил дыхание вместе со мной. Каждая минута тянулась вязко, как густой сироп, и я ловила себя на том, что снова проверяю — пусто.

Чтобы не сойти с ума от ожидания, я открыла корпоративную почту. Старую, забытую — доступ к ней чудом остался через облако, пароль совпал. Не надеялась увидеть там ничего, кроме автоматических рассылок.

Но письмо вспыхнуло сразу.
 Отправитель — внутренний адрес компании.
 Тема: «Совет директоров. Перенос заседания.»

Я замерла.
 Прочитала ещё раз, на этот раз вслух:
 «По распоряжению Дмитрия Александровича Корнеева заседание совета откладывается. Новая дата будет объявлена дополнительно.»

Я не знала — чудо ли это, совпадение, или кто-то действительно прочёл моё письмо.
 Главное, что заседание не состоялось.
 Я всё ещё в игре.

Сначала просто сидела, глядя на экран, пока буквы не начали расплываться.
 А потом смех сам прорвался наружу — тихий, хриплый, будто чужой.
 Не радость. Облег-

чение.
 Маленькая трещина в их безупречном плане.

Я закрыла почту, откинулась на спинку кровати и впервые за эти дни позволила себе вдохнуть глубоко.
 Всего день. Может, два — пока они переназначат заседание, пока перешушуются, пока решат, что делать дальше.
 Столько мне и нужно.

Я знала теперь наверняка: там, за стеклянными стенами, кто-то ещё помнит, что справедливость не продаётся.
 А значит — я не одна против целого мира.

Я встала, подошла к окну и посмотрела вниз, на потоки машин.
 У города было свое дыхание — шумное, живое, равнодушное.
 Я снова почувствовала его ритм.
 И в первый раз за долгое время — свою силу.

Телефон коротко завибрировал.
 Экран вспыхнул — новое сообщение от Вадима:
 «Есть движение. Похоже, зацепились за живое. Надо поговорить.»

Я перечитала дважды. Никаких лишних слов — значит, действительно серьёзно.

«Когда?»

Ответ пришел через минуту:
 «Через полчаса. Кафе “Белый мёд”. Сядь у окна. Без звонков.»

Я вышла из хостела, когда за окнами уже стемнело. Воздух был густым, пах выхлопом и дождём. Дорога до центра заняла минут двадцать — автобус, потом пешком. Я шла быстро, проверяя отражения в витринах и ловя себя на том, что ищу взглядом хвост.

Кафе оказалось почти пустым. За стойкой щелкала кофемашина, в воздухе пахло молотым зерном и усталостью.

Вадим сидел у окна, повернувшись лицом к улице. Телефон — на столе, взгляд настороженный.

Я подошла. Он кивнул не вставая.
 Села напротив, обхватила ладонями стакан с водой, больше чтобы занять руки.
— Что случилось? — тихо.

Вадим достал из папки несколько листов и положил их на стол между нами.
 — Вот, — сказал он. — Первый результат.

Бумаги были аккуратно сложены. Я развернула — таблицы, даты, счета. На первый взгляд — ничего примечательного, но цифры сразу зацепили. Слишком ровные, слишком «удобные».

— Переводы шли через подрядчиков, — продолжил он.
— Мелкими суммами, чтобы не всплыли. Я пробил получателя. Формально — частное агентство, услуги маркетинга.

Он замолчал, давая мне время вчитаться.

Строка внизу страницы.
 ИНН. Название фирмы.
 Фамилия в платежке.

Внутри будто пролился холод.
 Лена.

Имя стояло чёрным шрифтом, простое, деловое.
 Я провела по нему пальцем, словно проверяя, не наваждение ли.

— Это её фирма, — тихо сказала я.

Вадим кивнул.
 — Похоже, да. Она оформлена на неё,

но управляет он. И, судя по объёму, это не случайная операция. Через эти счета проходили крупные суммы, причем давно.

Я ощутила, как что-то в груди сжалось — не от шока, не от слёз, а от той пустоты, что остаётся после предательства. Внешне я села прямо, дыхание выровнялось, пальцы легли на край бумаги так, будто я держала табличку с ценой.

— Сколько? — спросила я тихо, чтобы в голосе не было ни мольбы, ни угрозы.

Он посмотрел на меня, на листы, потом снова в глаза.
— Суммы большие, — произнес он ровно, но в голосе мелькнул азарт. — Речь идёт о миллионах. Не разом, но по цепочке. За такое можно не только счета, но и репутацию.

Я сжала листы в кулаке сильнее, чтобы не дрогнуть. Внутри — не месть как ярость, а холодный расчет: сначала забрать деньги, потом — предъявить лицом к лицу.

— Значит, будем копать, — прошептала я.

Вадим какое-то время молчал, наблюдая, как я складываю бумаги обратно в конверт.
Потом спросил:
— Где ты сейчас живешь?

— Нигде, — ответила я. — По суточным.

Он кивнул, будто ожидал именно это.
— Плохо. Такие места дырявые. Если тебя увидят рядом с этой историей — всё рухнет.

— Предлагаешь палатку в парке? — усмехнулась я.

— Почти. — Он достал из кармана ключ и положил на

стол. — Есть свободная квартира. Друг за границей, место пустует. Без соседей, без камер, без бумаг.

Я нахмурилась.
 — И просто так?

— Ничего просто так, — ответил он. — Страхуюсь. Пока ты на плаву — я зарабатываю. Если тебя накроют — теряю. Так что считай, это вложение.

Он чуть подвинул ключ ко мне.
 — Можешь ехать сразу. Адрес пришлю.

Металл звякнул о дерево — тихо, почти не слышно, но внутри всё отозвалось.
 Я кивнула, взяла ключ и поднялась.

— Не геройствуй, — бросил он напоследок. — Всё только начинается.

Дорогие читатели! Хочу представить вам еще одну историю литмоба “Неправильный развод”

Для читателей старше 16 лет.

“Развод в 45. Ход королевы” Марта Левина

<https://litnet.com/shrt/IF7v>

- Никакого развода не будет! – раздается гневный голос Егора за спиной.

Я разворачиваюсь к нему и смотрю с презрением в его темные глаза.

- Будет!

- Я сказал нет! Делить свой бизнес я не намерен. Так что можешь даже не думать об этом. Ты – моя жена. И останешь-

ся ею до конца! А если нет – лишишься всего!

Глава 13

Я поднялась на третий этаж, проверяя каждый шаг, будто боялась оставить след. Дом оказался тихим, чистым, слишком правильным — из тех, где время останавливается на полуслове.

Ключ щелкнул в замке, дверь открылась легко. Внутрь пахло деревом и чем-то свежим — может, чистящим средством, может, просто порядком. Никаких чужих следов, только аккуратность, как в гостинице, где всё готово, но никто еще не жил.

Я поставила сумку на пол и огляделась: большие окна, ровный свет, стол, две чашки на полке, брошенная на кресло книга. После хостела это казалось почти роскошью.

В шкафу нашлась пара вещей — женских, аккуратно сложенных. Белая блузка, свитер, джинсы. Чуть великоваты, но по размеру. Я надела блузку и провела ладонью по ткани. Тёплая. Не одежда — защита.

На секунду задержалась перед зеркалом. Лицо бледное, под глазами тень, но глаза... спокойные. Словно я вернулась к себе, только к другой — к той, что умеет ждать и считать шаги.

Поставила чайник, налила воду и просто слушала, как он закипает. Затем отвлеклась на бумаги: тишина квартиры была рабочей. Так начинается всё новое — с чужого простран-

ства, которое нужно сделать своим.

Я разложила распечатки на столе — те, что дал Вадим. Аккуратные листы, ровные столбцы цифр, счета, подписи. Ничего громкого, но в этой тишине они звучали почти как признания.

Провела пальцем по строкам, как по шрамам. Даты, суммы, повторяющиеся имена — слишком ровно, слишком чисто. Так не бывает, если всё честно.

Внизу страницы — её фамилия. Лена.

Та, что гладила мне живот и говорила, что всё будет хорошо. Та, что знала.

Бумага дрогнула в пальцах; я быстро положила лист обратно. Эмоции сейчас — роскошь. Работать нужно холодно.

Я достала телефон, открыла сообщение Вадиму и набрала коротко: «Запускай. Платеж по проекту Алексея. Минимальный след — чтобы зацепились глазами. Остальное потом.»

Отправила. Ответ пришёл почти сразу: «Принято. Сигнал утром.»

Положила телефон экраном вниз. Вода в чайнике остыла — я отвлеклась на цифры. Посмотрела на отражение в окне: город жил как ни в чём не бывало.

Хорошо. Пусть живёт. Завтра начну с неё.

Выключила свет на кухне и осталась в полумраке. В таких условиях думать проще — ничего не отвлекает, даже собственное отражение.

Месть всегда выглядит громко только в чужих историях. На деле это тишина и аккуратные шаги.

Я села на подоконник, обхватила колени и вспомнила голос Лены — тихий, чуть усталый, когда она спрашивала: «Ты уверена, что справишься одна?» Тогда я думала — забота. Теперь знала — подготовка.

Имя, которое раньше было почти священным, теперь звучало как команда к действию. Лена любила контроль, любила, когда всё шло по её сценарию. Значит, ударить нужно по самому ценному — по ощущению безопасности. Не сразу. Сначала — тонкий треск под ногами.

Достала блокнот и написала три слова: звонок, память, тень.

Звонок — первое касание. Один номер, одна фраза. Без объяснений, без угроз. Только то, что невозможно выкинуть из головы.

Память — напоминание. Предмет, знак, что знает только она. Не угроза, а присутствие.

Тень — я. Та, что больше не живёт, но всё видит.

Перечитала написанное и улыбнулась. Не от злорадства — от того, что у любой игры есть правила. И теперь они мои.

Дорогие читатели! Хочу представить вам еще одну историю литмоба “Неправильный развод”

Для читателей старше 18 лет.

“Развод. Хочу твою жену” Дарина Вэб

Аннотация:

Измена мужа – это полбеда. Его алкоголизм и мои две работы дополняют картину безнадёги нашего брака. А если вспомнить, что муж даже не догадывается, каким способом я женила его на себе, можно заплутать в интригах нашей непростой жизни.

Всё меняет поездка на встречу выпускников. Бывшие одноклассники, сплетницы и школьная любовь закручивают такой убийственный клубок, что выпутаться без потерь невозможно.

Глава 14

Дмитрий

Утро выглядело обычным — и от этого казалось тяжелее.
Так бывает перед грозой: небо ещё ровное, но воздух уже знает, что скоро изменится что-то важное.

Офис жил как всегда: стекло, шаги в коридоре, запах свежего кофе.
Но в этой привычной суете появилась осторожность.
Не тишина — внимание.

Секретарь улыбнулась приветливо, но взгляд ее скользнул чуть в сторону, будто проверяя, всё ли она делает правильно.
Коллеги здоровались вежливо, но каждое слово звучало на полтона тише обычного.
Не страх.
Ожидание.

Я прошёл по коридору.
Никто не суетился, не прятал экраны — наоборот.
Движения были слишком точными.
Слишком ровными.

Офис ждал сигнала, который кто-то уже услышал, но пока не назвал.

В кабинете было тихо.
На столе — папка, оставленная с вечера.
Я не открывал её.
Цифры и так стояли перед глазами.

Слишком ровные.
Не случайность — расчёт.

Мне нужно было увидеть Алексея.

Он просматривал переписку у себя в кабинете — фор-

мальную, для видимости.
 Поднял глаза и улыбнулся.
 Чуть раньше, чем это выглядело бы естественным.

— Насчёт заседания, — произнес он быстро, как будто хотел отбить удар первым. — Перенос получился внезапно. Все уже были готовы.

— Требовалось сбить ритм, — сказал я. — Иначе сделали бы выводы, которые пока делать рано.

Он кивнул, слишком быстро — почти с облегчением.

— Да. Верно. Паника хуже ошибки. Мы это оба понимаем.

Я сел напротив.
 Не занял пространство — просто присутствовал.

— Люди нервничают? — поинтересовался я.

— Немного, — он повёл плечом. — Вакуум хуже информации. Завтра соберем совет, дадим разъяснения. Это стабилизирует атмосферу.

Хорошие слова.
 Правильные.
 Чуть слишком правильные.

Я едва заметно кивнул.
 И затем, словно вспомнив между прочим:

— По «Альянсу». Видел утренний платёж?

Он не был готов именно к этому вопросу.

— Да, — сказал он. — Просто закрываем хвосты. Бухгалтерия подвела баланс.

— Понял.

Пауза.
 Чистая, прозрачная.

Алексей положил ручку на стол.
 Медленно.
 Как

человек, который хочет показать, что ничего не скрывает — и потому выдает себя.

— Ты считаешь, там проблема? — спросил он ровно, с попыткой выглядеть небрежно.

— Пока нет, — ответил я. — Я просто отмечаю движение.
Я поднялся.

Он встал тоже — слишком быстро.

— Если что-то понадобится — скажи.

Я кивнул и вышел.

В коридоре воздух был плотнее, чем утром.
Собраннее.

Я подошёл к лифту.
Двери открылись — и появилась Лена.

Она не должна была быть здесь.

У неё всегда была своя территория: собственная фирма, личные встречи, загруженный график.
В офис Алексея она заглядывала только тогда, когда здесь была Вероника.

А сейчас — пришла не к ней.

Выглядела она безупречно: гладкие волосы, мягкое пальто, спокойный макияж.
Но пальцы, сжимающие телефон, побелели.

Мы встретились взглядами.
На секунду она замерла.
Потом улыбнулась — плавно, почти естественно.

— Дмитрий. Доброе утро.

— Доброе, — сказал я.

Она кивнула и направилась к кабинету Алексея.
Я не

оборачивался, но слышал, как её шаги на три удара ускорились, прежде чем снова выровнялись.

Лифт поднял меня на нужный этаж.

В кабинете было тихо.
 Та тишина, что появляется, когда мысль уже существует, но еще не приняла форму.

Я смотрел в окно.
 Движение улицы не давало ответов — только ритм.

Вспышка с похорон вернулась коротко: силуэт под елью, опущенный капюшон.
 Не лицо.
 Ощущение.

Я взял телефон и набрал номер.

— Слушаю, — ответили спустя долгих несколько секунд. Он сразу понял, кто звонит.

— По рейсу, — уточнил я.

Пауза — ровная, без удивления.

— Нашли врача, — сообщил он. — Того, что дежурил в аэропорту.

Я ждал.

— Он помнит беременную женщину. Спокойную. Решительную. Такие лица редко уходят из памяти.
 Запись в журнале верная: Гордеева В.
 Но он не может подтвердить, осталась ли она на рейс.
 Сказал: «Если заявила, что полетит — могла полететь, несмотря ни на что.»

Воздух стал плотным.

— Понял, — тихо ответил я.

— Если появится что-то ещё, дам знать.

— Жду.

Я отключился.
 Положил телефон ровно на стол.

Набрал внутренний номер.

— «Альянс». Полная проверка за прошлый квартал. Без уведомлений.

— Принято.

Ладонь лёгкая на столешнице.
 Вдох — ровный.

Этого достаточно.
 Пока.

Дорогие читатели! Хочу представить вам еще одну историю литмоба “Неправильный развод”

Для читателей старше 16 лет.

“После развода. Новое счастье в 40” Панна Мэра

<https://litnet.com/shrt/OavK>

Глава 15

Лена

Леша проснулся чуть раньше меня, но на этот раз не стал вставать сразу.

Я почувствовала, как он лежит рядом — теплый, родной, привычный как воздух.
 Сдвинулась ближе, скользнула ладонью по его животу, чуть ниже, туда, где он всегда откликнулся быстро, уверенно.

Он выдохнул — но не потянулся ко мне.

— Доброе утро, — прошептала я нежно.

— Утро, — отозвался он. Голос ровный. Прохладный. Уже в делах.

Я подтянулась, поцеловала его в шею медленно, с тем самым намеком, который он всегда понимал.
 Не резким, не требующим — близким.

Он положил руку мне на бедро, но жест был скорее остановкой, чем ответом.

— Лен... — он выдохнул, коротко, почти устало. — Не сейчас. Голова забита.
 Сегодня завал. Я с ночи не выключался.

Я замерла.

Не от обиды — от новизны.
 Он никогда не отказывал.
 Даже усталый. Особенно усталый.

— Понятно, — сказала я ровно.
 Чтобы он не услы-

шал, что я поняла слишком много.

Он сел, провёл рукой по лицу, как будто стирал остатки сна, и пошёл в душ не оглянувшись.

Я осталась лежать. Чувствуя на губах вкус, которому не дали стать поцелуем.

Не больно. Просто... неожиданно.

Через десять минут он уже застегивал манжеты, проверял телефон, быстрые движения, как у человека, который давно живёт по внутреннему расписанию.

— Вернусь поздно, так что останься у себя, — сказал он.
— Совет, встречи. Может, сам к тебе заеду.

— Хорошо.

Я подошла, поправила ворот его рубашки — мелочь.
Жест, который обычно соединял нас.

Он позволил. Но не остановился в нём.

Поцеловал меня в лоб — быстро, нейтрально.

Ушёл.

Дверь закрылась спокойно.
Слишком спокойно для утра, которое должно было быть... другим.

Я стояла секунду посреди кухни.
Ровное дыхание. Ровная спина.
Не потому что «держусь». Потому что я умею держать форму.

Я собрала волосы.
Надела пальто.
Вышла.

Внутри — появилось крошечное, почти невесомое ощущение: Его можно потерять. Не сегодня. Не завтра. Но траектория уже сместилась.

И теперь — я должна вернуть её обратно.

Дорога от его дома до моего офиса отняла больше часа.
Всегда отнимала.
Но сегодня пробка ощущалась не как городская неизбежность, а как задержка дыхания, которую нужно переждать не думая.

Я включила радио. Выключила через минуту.
Набрала Машу — и в этот же момент телефон завибрировал сам.

— Лена, привет... — осторожный голос. — Ты уже едешь?
— Да. Застряла. Минут сорок еще.

Пауза.
— Бухгалтер из банка звонила. Говорят, нужна сверка по одному платежу. Я сказала, что уточню у тебя.

— Хорошо. Ничего не говори пока. Я разберусь.

— Угу. Я... поняла.

Она не поняла. Но не спросила — и именно за это я ее и ценила.

— Буду через десять... двадцать... ну, когда доеду.

— Ладно. Я кофе сделаю.

Связь оборвалась сама.
То ли телефон устал, то ли я.

Я припарковалась у старого кирпичного здания, которое давно собирались снести, но каждый год «вопрос переносился».
Подъезд тёмный. Краска облупилась, почтовые ящики перекошились.

Я поднималась по лестнице и думала о другом подъезде.
О светлом, с высоким потолком, с зеркалами вдоль стен. В таком будет мой офис, если все пойдет как должно.

Мы поженимся — и я перееду туда, где не пахнет сыро-

стью.
 Где никто не спросит, почему у меня другая фамилия и что стало с женой Алексея.

Просто новый уровень.
 И он уже близко, только... чуть-чуть терпения.

Дверь в офис распахнулась слишком легко — замок опять не защелкнули.
 Надо будет сказать.

Маша сидела за компьютером, на коленях плед. В комнате холодно, отопление снова отключили.

— Здравствуй, — сказала я.

— Привет, — Маша улыбнулась, но плечи подняты — ждет наказания, объяснения.

Я прошла в «директорскую» комнату — стол, стул и окно, выходящее на стену соседнего дома.
 Я привыкла к этому виду.
 Он не отвлекал.

Поставила сумку. Села.
 Выдохнула ровно, чтобы было неслышно, что это выдох.

— Документы по платежу принесли? — спросила я.

Маша, словно ждала именно этой точки, влетела с папкой:

— Вот. Я ничего не смотрела, сразу тебе.

Правильно.

Я раскрыла.
 Пальцем нашла строку.

Сумма небольшая, но странная.
 Банк заинтересовался, а это плохо. Особенно сейчас.

Я закрыла папку.

Сложила её ровно. Поставила рядом.
 В углу зашипел чайник — он всегда шипит так, будто переживает за нас.

— Я отъеду, — сказала я.

— А... когда вернешься? — осторожно.

— Когда надо будет.

Я взяла пальто.
Перекинула сумку через плечо.

На пороге Маша выдохнула:

— Всё нормально, да?

Я повернулась к ней. Улыбнулась — так, чтобы это было правдой, даже если не так.

— Конечно. Просто рабочие моменты.

Она кивнула. Ей хватило.

На улице воздух был холодным.
Протрезвляющим.

Я шла к машине и думала ровно одну мысль: Я должна поговорить с Алексеем.

Здание компании встретило меня привычным блеском: стеклянные двери, зеркальные панели, ровные тени.
Не моё пространство.
Пока не моё.

Охранник поднял взгляд.

— Добрый день. К кому направляетесь?

— К Алексею Гордееву. У меня документы.

Он кивнул, как делают те, кто привык не задавать лишних вопросов.
Проверил мой паспорт.
Распечатал гостевой пропуск.

— Проходите.
И параллельно снял трубку внутренней связи:
«Гордеев на месте? Хорошо. К нему Морозова.»

Обычная фраза. Нейтральная. Как всегда.

Я поднялась на третий этаж.

Секретарь — новая, аккуратная, слишком усердная — повернула голову и вежливо улыбнулась.

— Алексей Олегович просил передать, что... уехал на встречу. Срочно.

Слишком мягко.
 Слишком ровно.
 Слишком быстро.

Я посмотрела на закрытую дверь его кабинета.
 Тишина за ней стояла живая, не пустая.
 Он там.

— Хорошо, — ответила я.

Развернулась и пошла к лифту.
 Ровно. Без спешки.

Никто меня не остановил.
 Никто и не должен был.

Лифт открылся.
 Я вошла.

И этого было достаточно.

Дорогие читатели! Хочу представить вам еще одну историю литмоба “Неправильный развод”

Для читателей старше 18 лет.

“Страсти по разводу” Ольга Гольдфайн

<https://litnet.com/shrt/ABk9>

Глава 16

Я выключила компьютер и несколько секунд просто сидела, глядя в серый экран.
 Маша собирала бумаги, складывая их в ровные стопки, будто от порядка на столе зависело что-то важное.

— Уходишь? — спросила она тихо.

— Да.

— Лена... — Она колебалась. — Клиент из «ТехПроекта» звонил. Сказал, что не смог провести платёж сегодня. Банк приостановил операцию. Они проверяют. Я заверила, что у нас всё в порядке...

Она не договорила. Но и так было понятно.

— Спасибо. Разберусь. Закрой на ключ.

— Хорошо.

Я вышла на улицу. Воздух был мокрым, вязким — осень без света.
 Села в машину, включила фары. Дождь тут же забил стекло дробью.

Телефон завибрировал.

Имя клиента.

Я взяла сразу.

— Лена, нам нужно обсудить платёж, — голос мягкий, почти извиняющийся. — Наш банк запросил дополнительную проверку ваших операций. Внутренняя служба мониторинга. Это не мы инициировали.

— Проверку — на каком основании? — мой голос был ровным, но внутри всё уже накрыло холодом.

— По связке транзакций с Гордеев Групп, — ответил он осторожно. — Понимаете... если у них сейчас идет контроль, то все, кто с ними работает, автоматически попадают в поле внимания. Мы не можем рисковать оборотными средствами. Юристы сказали — пока нужно заморозить перевод, ждем подтверждений.

— Насколько?

Он вздохнул. Нехотя. Сожаление было настоящим — это и бесило.

— От двух дней до недели. Может, меньше. Может, больше. Всё зависит не от нас.

Я закрыла глаза. Вспомнила Машу. Банк. Завтра зарплата. Аренда. Налоги.

— Хорошо, — ответила я.

— Лена... мы не отказываемся от сотрудничества. Просто бережем активы. Давайте переждем.

Он отключился первым.

Я всё ещё держала телефон у уха, как будто считывала молчание.

Потом набрала банк.

— Да, платежи по вашему счёту временно приостановлены, — ровный голос. — Внутренняя проверка движения средств. Если партнер подтвердит операции, процесс можно ускорить. Гордеев Групп.

То есть ключ был не у меня.

И даже не у банка.

А у него.

Я положила телефон на приборную панель. Руки дрожали.
Посидела так минуту. Две. Но не смогла успокоиться.
Заглушила двигатель и только тогда вызвала такси.

Плевать на деньги.

Я должна была его видеть.

Сейчас.
Не позже.

Такси подъехало быстро.
Я закрыла машину, набросила капюшон и села на заднее сиденье.

— К коттеджному поселку «Лесные ключи», — сказала я.

Водитель кивнул.

Мы плавно выбрались на шоссе.
Свет фар разрезал темноту.
За окном поднимались сосны, мокрый асфальт блестел, как стекло.

Под грудиной натянулась тонкая струна.
Та, что рвётся бесшумно.

Если я не поговорю с ним сейчас —
моя жизнь просто треснет.
И обратной стороны у этого трещины уже не будет.

Такси свернуло с трассы, и свет скользнул по кованым воротам.
Посёлок был тихим, почти бесшумным — как будто все здесь жили, чтобы не слышать друг друга.

Водитель остановился:

— Приехали.

Я кивнула, хотя сердце билось где-то в горле.
 Гравий хрустел под каблуками. Воздух пах мокрыми соснами и холодной землей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.